

Ж И З Н Ь

В П Р О Ф Е С С И И

Школа Бывальского

ВСЕМ МИРОМ

Есть в сфере российского образования понятие, составленное из двух слов. В отличие от известного математического правила, гласящего, что от перемены мест слагаемых их сумма не меняется, в этом случае итог от положения слов существенно зависит. Как вы уже, наверное, догадались, речь идёт об «общественно-государственном» или «государственно-общественном» управлении образованием. Конечно, основная часть истории отечественной школы в XX веке связана с государственным управлением, в какие бы красивые наряды оно ни драпировалось.

Положение постепенно менялось, начиная со второй половины восьмидесятых годов. Именно тогда мы пережили столь пьянящее искушение демократией: выборы директоров образовательных учреждений, школьные советы, в которые включались старшеклассники, создание территориальных советов народного образования. Иногда красивые нововведения действительно приводили к позитивному результату, но чаще они превращались в ритуальные действия.

Пришло время осмыслить, как в начале XXI века могут строиться взаимоотношения между властью и обществом, органами управления образованием и местными педагогическими сообществами. Записанное в Законе «Об образовании» положение об общественно-государственном управлении появилось в те времена, когда предполагалось, что государство будет полностью обеспечивать школу. Тогда всем грезились, что учителя будут получать зарплату не ниже, чем средняя в промышленности. Ни первое, ни второе не сбылось. Школа не только живёт по-прежнему скудно, но и недофинансируется почти на 40%, а учителя получают меньше половины средней зарплаты в промышленности.

Долгое время ситуация в образовании была близка к катастрофе, но вдруг вспомнили о существовании старого положения об общественно-государственном управлении. Истолковали его, правда, как-то странно: муниципалитеты были объявлены органами общественного самоуправления и им передали почётную обязанность поддерживать материально-техническое состояние школы, а зарплату обязалось платить государство. Но оказалось, что наделить правами — вовсе не значит помочь создать возможности. Денег на

достойное поддержание образовательной системы в большинстве муниципальных образований по-прежнему не хватало. И опять чиновники вспомнили об общественно-государственном управлении. Оно показалось им панацеей, способной заменить уже привычные, но совершенно незаконные поборы с родителей. Государство, по сути, прямо признавало, что финансирование образования ему не по карману, и предлагало обществу софинансировать эту общественно полезную сферу.

Общество откликнулось достаточно вяло, но кое-где попечительство обрело форму откровенного рэкета. Начальники начали создавать попечительские советы городов. Делалось это так. На «ковёр» вызывались директора школ и им предлагалось скинуться в «общак», который по недоразумению стали называть попечительским советом города N.

Впрочем, и здесь были счастливые исключения — школы с сильными попечительскими советами, способными привлекать средства на развитие своего образовательного учреждения. Правда, и попечительский совет оказался не обязателен для умеющего развернуться директора, чувствующего конъюнктуру рынка и продающего дополнительные образовательные услуги. Да и сами попечительские советы оказались не единственными игроками на неограниченном законодательством образовательном поле. Вскоре возникло движение социально-активных школ, ассоциации выпускников и многое другое, что символизировало вступление общества в управление образованием. Но главной их задачей было софинансирование школы.

Как это делается в Америке, я уже писал в предыдущих заметках, но повторюсь: там финансирование школы производится не из подачек меценатов, а из налогов. Если экономика штата хорошо развита, то и денег на школу больше. Практически каждый штат имеет ту школу, на которую заработал. Руководят школами советы по образованию, которые в каждом штате демократически выбираются. Так обеспечивается участие общества в управлении образованием. «А где же государство?» — спросите вы. Если оно желает действовать на образование, то объявляет федеральную программу, которую финансирует. Хочешь — участвуй и получай деньги, не хочешь — не участвуй и не получай. Главное, что государство за своё вмешательство платит. Именно поэтому каждый штат самостоятельно решает, какие образовательные стандарты в нём будут установлены. Вот такая система. Добавлю ещё, что к родителям в США не относятся как к дойной корове, но прав на вмешательство в образовательный процесс, вплоть до корректив содержания образования, у них значительно больше, чем у наших попечительских советов. У нас таких узаконенных прав просто нет, а в США родители могут корректировать даже учебный план школы.

Мы же как всегда идём своим особым путём. Он в том, чтобы не доплачивать налоги государству, которому не доверяем. В этом смысле попечительские советы действительно стали формой общественного управления, потому что они позволяют вкладывать деньги не в то, на что указывает государство, а в то, во что хотят вложить их сами граждане. Именно поэтому «меценаты» не всегда готовы быть «засвеченными». Они охотнее направляют свои деньги на развитие системы образования, а не, например, повышение зарплат высшим чиновникам. Можно обсуждать, плохо это или хорошо, но это так. Государство делает вид, что финансирует школу, а граждане исподволь действительно её финансируют. При этом государство всячески тормозит определение прав и обязанностей граждан в управлении образованием, а граждане не очень-то и настаивают, потому что уже привыкли договариваться между собой, а не с государством. При этом они не понимают, что роют себе могилу. Ведь отсутствие правового поля родит хаос, и он уже наступает. Трудно понять, каким образом власть хочет контролировать школу и при этом ничего за это не платить. Позиция собаки на сене приобретает здесь русский размах и готова развиться в ситуацию: «А не доставайся же ты никому». Вот такая у нас модель государственно-общественного управления, где обществу отводится роль массовки. Оно же должно платить

за все причуды, приходящие в голову государственным мужам. Но «верхи» уже не могут содержать образование и управлять им, а «низы» пока ещё не очень этого хотят. Впору бить в набат и спасать школу всем миром.

ГИФО НЕ БУДЕТ

Удивительные вещи происходят в нашей образовательной политике. Ещё совсем недавно руководители образования на голубом глазу уверяли, что без государственных именных финансовых обязательств (ГИФО) невозможно внесение социальной справедливости в процесс получения высшего образования. Приводили факты, когда выпускник школы, имевший в аттестате пятёрки и не добравший на вступительных экзаменах балла, был вынужден оплачивать своё обучение в той же степени, как и закоренелый троечник, сдавший вступительные экзамены на свои любимые отметки. Предполагалось, что с введением системы ГИФО те, кто учился в школе на «отлично», не будут платить за обучение, в вузах, показавшие хорошие результаты — оплачивать лишь часть, а троечники — большую долю стоимости обучения.

Сейчас же от идеи перехода на эту форму платного образования отказались и, прежде всего, по экономическим причинам: государство «не потянуло» ГИФО. Таким образом, основным механизмом, обеспечивающим возможность поступления в вуз, становится Единый государственный экзамен.

Мне уже не раз приходилось писать о преимуществах и недостатках ЕГЭ. Обращу внимание читателя только на два факта. Экзамен оказался своеобразной экономической ловушкой для регионов. В начале эксперимента с экзаменом регионам действительно выделили деньги и технику, что для многих стало основной побудительной причиной участия. В регионах рассудили так: будет или нет экзамен — ещё вопрос, а деньги и технику дают сейчас и их надо брать.

В этом году на проведение ЕГЭ регионы должны были выделить из своих бюджетов три миллиарда рублей. Однако большинство руководителей, особенно дотационных регионов, честно заявили, что денег на это мероприятие у них нет и не будет. Как же при таком положении с финансированием предполагается в дальнейшем обеспечивать проведение этого ответственного и дорогостоящего испытания? С другой стороны, уже находятся бизнесмены от образования, которые подсчитывают барыши, связанные с ЕГЭ. Так, известная семья господ Кармаевых, которая ещё в 90-е годы хорошо облегчила карманы родителей через созданную ими систему классов «Рекорд», выступила с новой инициативой. Господа предлагают создать по всей стране сеть классов и центров, в которых «всего» за 900 долларов в год они обещают натаскать любого желающего на успешную сдачу ЕГЭ. Таким образом, складывается два лагеря. Первый — в лице регионов, не заинтересованных в продолжении эксперимента, потому что федеральные органы — его инициаторы — отказываются за него платить. Второй — в лице коммерсантов, готовых обучать детей хоть иностранному языку, хоть искусству сдачи Единого экзамена и крайне заинтересованных в быстрой и окончательной победе его сторонников. Таким образом, государственные интересы и социальная справедливость, о которых так много говорили инициаторы ЕГЭ, опять где-то потерялись.

Пример с ЕГЭ весьма показателен для нынешних реформаторов. Инициаторы экспериментов не хотят или не могут просчитать результаты своих действий хотя бы на шаг вперёд. Более того, они либо лицемерят, либо намеренно дезинформируют своих партнёров. Так, например, в регионах до сих пор не понимают, почему в очередной раз им придется платить за инициативы, предложенные федеральными чиновниками.

Вот и ГИФО тоже придумали федеральные чиновники. К счастью, на осуществление этой инициативы сразу же не нашлось денег, не оказалось и харизматической личности, готовой и способной бороться за это новшество до конца. Надо заметить, что первый шок был вызван опубликованием «расценок» по ГИФО. Даже обязательства высшей категории едва покрывали половину затрат на обучение студента, отучившегося в школе на «отлично». И никаких доплат в этом случае не предусматривалось. Предполагалось также, что и по остальным обязательствам доплаты должны были «дотягивать» их сумму только до уровня высшей категории. При этом почему-то не бралось в расчёт, что обучение ряду специальностей обходится значительно дороже, особенно в технических вузах, где учебный процесс требует не только мела и тряпки, но и мощной материально-технической базы. В результате участвовать в эксперименте по ГИФО рискнули только три региона. Дело пошло так «успешно», что несколько других регионов, которым через год предложили присоединиться, отказались наотрез, и эксперимент решено было без лишнего шума прикрыть.

Но лавры победителей в борьбе за Единый государственный экзамен не дают чиновникам покоя. Тем более что государство неизменно ставит перед ними задачу сократить экономические издержки, особенно в такой не приносящей видимой прибыли области, как образование. Если оставить в стороне разговоры о всеобщей доступности и социальной справедливости, то будет очевидно: государство стремится переложить львиную долю расходов на обучение с себя на кого-нибудь другого. При этом оно постоянно поглядывает то на Запад, то на Восток, стремясь перенять действующие там формы оплаты. Вот и сейчас, не справившись с введением ГИФО, федеральный центр решил вернуться к идее, подсмотренной в Китае. Там, как известно, желающим получить высшее образование предлагаются беспроцентные кредиты. Их можно не возвращать, если студент после окончания вуза определённое время работает там, куда его пошлют. Это очень напоминает нашу старую добрую систему распределения, но с одним «но»... Если молодой специалист работает, где он хочет, или уезжает за границу, то ему приходится возвращать кредит.

То, что эта система успешно работает в Китае, ещё не даёт гарантии, что она заработает у нас. Уже сегодня её инициаторы в России с тревогой говорят о главном: где взять деньги на кредиты? Думаю, что возникнет и другой вопрос. Кто и как сможет их получать и какой «откат» при этом должен будет заплатить?

Пётр Бывальский, педагог

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Психологическая компетентность и её роль в современном образовании

Г. Авхач

Инновационные процессы в системе образования при психологической поддержке способствуют повышению профессиональной компетентности педагога, но при этом следует адекватно отражать изучаемые в эксперименте модификации, в противном случае, как это было уже не раз, вместе с водой мы выплеснем ребёнка. И неплохо бы при этом применить наш интеллект, признаками, которого являются способность абстрактно мыслить, адаптироваться к новым жизненным ситуациям, решать задачи без проб и ошибок в уме, приобретать опыт и обучаться, тормозить или модифицировать инстинктивные формы поведения. Главное применить свой интеллект к тому, чтобы критически оценить вводимую инноватику, «чтобы не было мучительно больно...».